

Фото С. Ершова

И снова я в доме Пластовых. Уже нет в живых Николая Аркадьевича, только что схоронили и няню Катю. Вдова, Елена Николаевна Пластова, и староста церковной общины Любовь Васильевна Гусенкова вспоминают о первых шагах по восстановлению церкви, которые предшествовали нашей встрече с Николаем Аркадьевичем в 1994 году.

«Как-то иду мимо дома Пластовых, - рассказывает Л.В. Гусенкова. - Николай Аркадьевич меня окликает: «Здравствуй, Люба. Помоги нам в церкви». Человек он известный, стыдно отказываться, но я тогда работала и не могла помогать в церкви. Пришлось отказаться. Но прошло немного времени, и

я осталась без работы, как будто Бог так распорядился: «Иди туда». Я и пришла. В церкви - ни окон, ни дверей, ни пола - ничего...».

Это было в начале лета 1993-го. Николай Аркадьевич, его сын Николай и нянька с двумя женщинами принялись выгрести из церкви dust, хранившийся здесь десятилетиями. Трудились не покладая рук. Для Николая Аркадьевича эта работа не прошла бесследно: осенью началась астма, участились приступы стенокардии, пришлось лечь в больницу. Но дело не заглохло: к работе приступила собранная Любовью Васильевной церковная община: Вера Ря-

Летом 1994 года мы со съемочной группой приехали в Прислониху, чтобы взять интервью у Николая Аркадьевича Пластова. Для фестиваля документальных фильмов в Москве я готовила тогда телеразказ о трех поколениях ульяновских художников: Д.И. Архангельском, А.А. Пластове, В.В. Киселеве, и съемки в Прислонихе были самой важной частью нашей работы. Но совершенно неожиданно рассказывать что-либо на камеру Николай Аркадьевич категорически отказался. Хотя и предупреждали меня, что он настороженно относится к журналистам, но отказ художника поверг меня в отчаянье. Потерянные, мы сидели на лавочке возле ворот дома Пластовых и наблюдали, как кутит работа по восстановлению церкви. Николай Аркадьевич был полностью поглощен строительством. Он выглядел больным и усталым, но глаза светились радостью, и я в какой-то миг почувствовала, что происходит что-то очень важное для него.

Сейчас многие говорят, что сын великого Пластова предпочел духовный долг карьере художника. А тогда он был для всех нас прежде всего художником. Разглядев человека, который спешит выполнить главный завет, предначертанный Богом, я прямо сказала ему об этом. И тогда он оживился и с воодушевлением стал рассказывать об истории церкви на камеру. О том, как в 1955 году они с отцом, узнав о решении властей снести колокольню, помчались на мотоцикле в Майну к секретарю райкома и получили его клятвенное заверение, что церковь будет цела. Как, празднуя победу, отправились в Комаровку к художнику Виктору Киселеву - поделиться радостью, а в это время в Прислонихе сносили колокольню...

Николай Аркадьевич рассказал нам о трудностях восстановления церкви, показал места захоронения деда, прадеда. Потом была долгая беседа в мастерской и незабываемые «нянькины» пироги - воздушные, райские пироги - других таких не было в моей жизни...

бова, Анна Шарымова, Нина Крючкова, Варвара Гусенкова, Михаил Гришин.

Для строительных работ нужны были немалые средства, и женщины пошли по домам - просили сельчан помочь, кто чем может. Собирали деньги в Тагае, в Языково, в Подлесном, в Белозерье - все села района обошли, и люди не отказывали, хотя какие у крестьян средства! «Живых» денег со времен перестройки колхозники не видели, разве что старики со своей скудной пенсией что-то насребали. Любовь Васильевна завела большую книгу, куда записывалась каждая копейка, пожертвованная на церковь. Этим бесценным

документом непременно когда-нибудь заинтересуются историки, ну а мы пока что послушаем ее яркий рассказ.

«Пришла я в ОРС к директору просить лес на пол. Коля сказал, нужна семидесятка – 17,5 кубов. Половицы дорогие, у нас таких денег нету, я и говорю директору: «Ну как тебе не совестно! Мы церковь открываем, а ты кому отказываешь? Божией Матери! Почему ты не можешь доски бесплатно дать?» Он отвечает: «Дам!» Вот так привезли мы в декабре лес и начали стелить половицы. А у нас ни станков, ни мастеров. В Языково жил хороший столяр. Я ему говорю: «Служи Богу, помогай, не то сына в Чечню ушли». И он нам безотказно помогал, работал бесплатно.

Стали стелить пол – все мужики пришли, работают, строгоют, а в проемы снег летит, в церкви – сугробы. Я девчонкам говорю: «Не то мы делаем, надо окна стеклить». Они пошли снова деньги собирать, а я в Майну поехала к одному знакомому. «Саня, - говорю ему, - ты в Бога веруешь?» – «Верую». – «Вот он тебе видишь, какое задание дал: ты торгуешь, тебе деньги мешками несут, теперь ты дай нам стекла на церковь». Дал он машину, дал ящик стекла. Стеклит Виктор Лобанов. В церкви двойные рамы, но мы пока по одному стеклу поставили, чтобы не дуло. Дальше пошла работа. А деньги нужны. Поехали в Языково, на фабрику им. Калинина. Мы к маленьким начальникам не ходили, а ходили к генеральным. Очень нам тогда помог Морозов Юрий Николаевич. Позже, когда электричество в церковь проводили, опять к Морозову пошли за помощью. Он и электриков выделил, и все, что требуется для проводки, нам дал.

Владыка сам приехал посмотреть, что у нас делается, и говорит: «Я бы не хотел, чтобы вы электрическое отопление делали. Здесь печка была, надо печку». А печку класть – кирпича нету. Решили к Горячеву ехать. Я Нине Крючковой говорю: «Надевай пальто самое плохое, нечего наряжаться». Оделись

мы, как бомжи: я в красном пальто, кусок рукава оторван. Сначала к Мынову пришли. Он собирался куда-то уходить, но нас принял, выслушал и говорит: «Знаете что, бабки, я в эту церковь больше ни рубля не дам. Я туда отдал миллион». «Куда же, - спрашиваю, - Вы миллионы отдали, если церковь не работает?!» На этом разговор и закончился. Пошли мы тогда к В. Т. Чаю. Милиционер при входе говорит: «Бабки, надо раздеваться». - «Нет, милый, мы свои костюмы вам не покажем. У нас старенькие костюмы. Пропусти, сынок, настак». Пропустил.

Пришли к Владимиру Тиграновичу, просим: «Пожалуйста, помогите, нам кирпич надо. Пожалуйста, прямо сейчас. Мы Николаю Аркадьевичу и людям обещали, что на Крещение в церкви служба состоится». Чай растерялся, мол, где ж это сразу так и кирпич, и машину взять, но все сделал, и домой мы приехали с кирпичом. Петр Гусенков бесплатно печку в церкви сложил.

Оставалось только батюшку хорошего заполучить. Вот приехали мы к Владыке и просим: «Владыка Прокл, дайте нам батюшку хорошего, пьяницу не надо, блудника не надо, а дайте нам секретаря Вашего, отца Владимира, больно он нам нравится...».

С выбором священника женщины не ошиблись. Отец Владимир и поныне служит в церкви, а тогда, летом 1994 года, Николай Аркадьевич, отец Владимир (кстати, тоже художник по профессии) и ученик А. Пластова, художник из Сурска А. С. Гордеев писали иконы, занимались резьбой по дереву для будущего иконостаса, заканчивали строительство церкви. Большим помощником в этом деле был директор музея А. А. Пластова в Прислонихе и друг семьи Виктор Николаевич Крапивин.

«Когда строительство закончилось, - вспоминает Елена Николаевна Пластова, - Николай Аркадьевич сказал: «Я счастлив тем, что восстановил эту церковь, которая была так дорога моему отцу и всей семье».

Ольга Шейнак

Вид на Богоявленскую церковь со двора Пластовых. Нач. 1950-х

Этапы разрушения церкви. 1955

Фото Н. Пластова (из архива А. Сытина)

Фото А. Сытина

